

Диана КОШЛЕЙ

Диана Викторовна Кошлей родилась в г. Гродно. Прозаик, детская писательница. Пишет рассказы, сказки и повести для детей (преимущественно юмористического характера). С отличием окончила Волковысский государственный педагогический колледж по специальности «Иностранный язык», а затем Гродненский государственный университет имени Янки Купалы по специальности «Современный иностранный язык».

Литературную деятельность Диана начала в 2014 году с написания сказки «Волшебная радуга». В 2017 году сказка «Волшебная радуга» была опубликована в сборнике «Валины сказки» по итогам одноимённого литературного конкурса (Россия). В 2018 году по результатам литературного конкурса «Новая сказка о лесе» сказка Дианы Кошлей «Лесной дед» вошла в печатный литературный сборник «Новые сказки о лесе» (Россия). В том же 2018-м году детская повесть писательницы «Мурочкины проказы» вошла в шорт-лист VI Международного литературного конкурса «Корнейчуковская премия». В 2023 году Диана Кошлей становится победителем XII Открытого литературного конкурса студенческого литературного клуба «Катарсис» (ГрГМУ) в номинации «Проза» с рассказом «Злой ошейник».

Прозаик, детская писательница Диана Кошлей проживает в г. Гродно. Пишет на русском языке.

Как Ягуся никого не слушалась

(из цикла «Верхпольские сказки»)

Вы верите в Бабок Ёжек? Я, например, раньше не верила и считала, что они живут только в сказках. Только ведь оказалось, что недалеко от нашей деревни в тёмном, мрачном лесу, там, где кабаны любят принимать грязевые ванны, живёт самая настоящая Баба Яга. Она тоща да костлява, носит грязную, обшмыганную одежонку, а волосы никогда не чешет. Зубов у неё не хватает, зато в глазах лукавый огонёк. Нос у неё не крючком, как у всех Бабок Ёжек, а обычный, и бородавок нигде нет. Вполне себе приличная Баба Яга. И главное, безобидная.

Как мы узнали о том, что она безобидная? И почему я вам сразу не рассказала, что у нас своя Яга есть? А потому, что мы и сами до поры до времени не догадывались о её существовании, пока Бабусе Ягусе (так на её ступе написано) не надоело одной в лесу сидеть да в одиночку в ступе своей деревянной летать. Вот тогда и повадилась она по деревне носиться да за всеми своим зорким глазом следить.

Ягуся совсем плохо знает русский язык, а может, позабыла его за долгие годы одиночества. Даже «здравствуйте» не умеет сказать. Подлетит она к нашему рыжему трактористу Виталику, когда тот делом занят, и радостно-восторженно затынет писклявым голосом:

– У-у-у-а-а-а-а-а!

А потом ввернёт своё любимое словечко:

– Рабо-о-отничек!

Всё Ягуся по деревне летает и работников высматривает. Видать, ищет помощника свою избушку на курьих ножках поправить, а то, сказывают, совсем уж она покосилась да покривилась.

Ко всем Бабуся присматривается, ко всему прислушивается да слова давно забытые вспоминает. А то как же с народом общаться-то?

А рыжий тракторист всё над ведьмой подтрунивает:

– Не рассыпались ещё твои косточки, Ягуся?

– У-у-у-а-а-а-а-а! Я ще ничаво-о-о, молоду-у-уха, э-эх! В прошлым месяцы толечко тыщу годков справила.

– И гости у тебя были?

– А как же, были, милай! Ось кикимора болотная и по-да-ро-чек мне подарила – тяляфон кнопачный! Ужо где она его раздобыла – башки не приложу.

– Вот так современная Бабуся Ягуся! – захохотал тракторист. – Только для чего тебе телефон-то? Подружке на болото звонить?

– У-у-у-а-а-а-а-а! Много ты понимаешь. Мне по энтому тяляфону смэски идут.

– Смэски, говоришь? – захохотал тракторист пуще прежнего. – И что же пишут?

– А вот ня знаю. Глянь-ка ты, милоч.

Прочитал тракторист сообщение и говорит:

– Тут тебе, Ягуська, МЧС привет передаёт. Пишут, чтобы не летала ты завтра на ступе, а сидела дома, потому как оранжевый уровень опасности.

– Тьфу ты! Ранжевый уровень опасности? Да я тыщу лет лятаю и сама есть первейший уровень опасности для всех, хе-хе!

Подмигнула трактористу правым глазом и была такова: взмыла ввысь и начала на своей ступе финты выкручивать. Потом над лесом полетела, над самыми макушками высоких мохнатых елей, и только слышалось в деревне пронзительно-весёлое «У-у-у-а-а-а-а!»

А на следующий день началось такое, что даже Кикимора от страха на самое дно болота залегла, в торфяную гущу закопалась. Ветер гудит, воет, неистовствует, силой с могучими дубами меряется. Небо рычит, зубастой пастью щерится, громом огрызается, молнией рывкает. Все существа от мала до велика от страха дрожат – мерещится им конец света.

Одной только Ягусе море по колено, одна Ягуся бесстрашная. Летит она в деревню своей лихостью побахвалиться. Деревья, хоть и не водят дружбу с ведьмой, да и те пытаются её образумить, своими ветками ступу задержать. Да только Бабуся Ягуся отчаянная, из последних сил сквозь преграду продирается.

– У-у-у-а-а-а-а-а! – кричит. – А ну пусти! Не то плюну, да пяткой три раза топну, да заговор против вас скажу – усохнете в тот же миг!

Хоть Яга так никогда в лесу не безобразничала, да только деревья всё равно испугались и расступились. Лети себе на здоровье, Яга, коль жить надоело.

Под проливным дождём, под леденящие кровь раскаты грома и оплехи злобного ветра ворвалась Бабуся в деревню, где на улице ни души, закрутилась, завертелась в своей ступе, стала кричать:

– У-у-у-а-а-а-а-а! Видали?! Всё Ягусеньке нипочём. Ничаво Ягусечка не боится! А то придумали курам на смех ранжевый уровень опасности! У-ха-ха-ха!

Затряслась Ягуся от смеха и остановиться не может, того и гляди лопнет. Да может и правда лопнула бы, если бы в ту минуту прямо в ступу не ударила молния. Раз – и раскололась ступа надвое! Два – и загорелась! Три – плачет Бабуся Ягуся! Куда и веселье девалось.

Дождь идёт, а ступа знай себе горит. Ягуся кричит, на помощь зовёт, да в такую непогоду никто её не слышит.

Осталась Яга без средства передвижения. Вот так горе горькое, беда бедовая! Как теперь без ступы Ягусе жить, по лесу как угорелой носить-ся?..

Приуныла Ягуся, пригорюнилась, под куст забралась да так под ним до утра и просидела, а утром вылезла, отряхнулась, пофыркала, поворчала, побрюзжала и прямёхонько к трактористу Виталику потопала.

– Виталька, а, Виталька, чуешь? – приступила к важному разговору Ягуся.

– Ну, чего тебе, Яга, надобно?

– Вишь, что пешком до тебя дошкандыбала?

– Ну, вижу. А где же ступа твоя?

– Да вот лихо на неё, Виталька. Укандоухал её ранжевый уровень...

– Предупреждал я тебя, да ты не послушалась.

Посмотрел тракторист на Ягу, усмехнулся:

– Без ступы ты теперь и не Ягуся, а обычная бабуся.

– Правду молвишь, правду... Дык вот я туть покумекала, а не подсобил бы ты мне металлическую ступу сделать?

– Металлическую? В своём ли ты уме, бабушка? Она ведь тяжеленная будет. Не полетит.

– Уж то моя морока. Прикажу, дык полетить как миленька. А главное, уж така ступа не сгорить.

– Нет, Яга, не морочь ты мне голову. И своих забот полон рот.

Не стал тракторист Ягусе помогать. А ей втемяшилась в голову металлическая ступа, и хоть ты тресни.

Пошла тогда Ягуся к своей подружке болотной, а уж вместе отправились они по лесу шастать, по оврагам да буеракам металлолом искать.

Вот прикатили к избушке огромный, покрытый ржавчиной чан. Изпод пней и коряг повыковыривали болты, гайки и шурупы. Сели вдвоём ступу мастерить.

И что же? Вышла ступа с виду что надо: прочная да просторная. Довольна Ягуся.

– У-у-у-а-а-а-а! – кричит на весь лес, беззубым ртом смеётся.

Запрыгнула в новую ступу Яга и полетела. Только вот лететь уж не так легко и радостно. Тяжело идёт ступа, ой, тяжело. И неповоротливая совсем. Да не желает слушаться, как та прежняя, деревянная.

«Ничего, – думает Яга. – Обкатаю! А там и в деревне покрасуюсь. Покажу Витальке нос».

Да только с каждым днём сил у Ягуси всё меньше, а ступа тянет к земле всё больше. Однажды ночью Яга над деревней летела да в ступе прямо у крыльца нашего дома и рухнула. Отлежалась, отдышалась и пешком в лес пошла.

С той поры никто больше Ягусю не видел. А через пару недель в пустующий дом с красной калиткой, тот, что через два дома от Ивана Ивановича, въехала немолодая уже женщина, по виду – Ягуся Ягусей, только помоложе да поопрятнее.

Может она это и есть, замаскированная? А что? Причесалась, приоделась, умылась, к зубному врачу сходила, разговаривать научилась правильно.

Тракторист наш говорит:

– Ну нет, это вы бросьте чушь городить! Не может этого быть!

Да и я бы с ним согласилась, если бы не одно «но». Ягусина ступа до сих пор у нас во дворе стоит. Мы теперь стройку затеяли и в ней бетон месим – очень удобно, знаете ли. Так вот новая соседка каждый раз, как мимо нас проходит, всегда жадными глазами на ступу смотрит и, я слышу, тихонько шепчет: «У-у-у-а-а-а-а!»

Злой ошейник

На улице Садовой жила-была собака Цапка. Нет, она жила не сама по себе, как вы могли подумать, а с Иваном Ивановичем, в двухкомнатной квартире на третьем этаже. Цапка была небольшого роста, породы обычной, дворовой. Лапы кривоватые, хвост колечком.

Соседи ужасно не любили Цапку, брезгливо называли её собачонкой и всякий раз при виде её морщились. А дело всё в том, что у Цапки был отвратительный! – скверный! – склочный характер. Да и Цапкой её звали неспроста. Рычать или гавкать, как все собаки, она совершенно не умела. Да-да, вместо «гав» она говорила «цап», вместо «гав-гав» – «цап-цап», а когда обычная собака заливалась лаем, у Цапки выходило «цап-цап-цапну!», «цап-цап-цапну!» Ну что ж, Цапка, она и есть Цапка: она спит и видит, как бы ей кого-нибудь цапнуть.

Больше всего Цапка мечтала цапнуть Полкана из дома напротив. За что? Да за то, что он был такой противный задавака. Росту высоченного – раз. Взгляд невозмутимый – два. Характер выдержанный – три. Да и не лает. Ни-ког-да! Ни «гав», ни «тяф», ни «р-раф», ни – уж тем более – «цап» вы от него в жизни не услышите.

«Быть таким правильным – неправильно! – считала Цапка. – Это даже в высшей степени неприлично!»

Часто Цапку и Полкана выводили гулять в одно и то же время. При виде Полкана Цапка натягивала поводок, заливалась угрожающим «цап-цап-цапну! цап-цап-цапну!» и изо всех сил рвалась в бой. Полкан при этом даже не смотрел на Цапку. А ей так хотелось цап-цап-цапнуть этого великана, этого выскочку, эту настолько воспитанную собачищу, что просто противно – тьфу! Цапнуть бы этого Полкана за заднюю лапу или хвост. Это хотя бы. А лучше вцепиться в него, и покатиться вместе клубком, и цапать, цапать, цапать. Потому что, если подумать, отчего этот Полкан такой невозмутимый? Да уж, наверное, оттого, что он считает Цапку вовсе не Цапкой, а так, нулём без палочки. И чихать он хотел на то, что она не гавкает, а цап-цап-цапает. Он, небось, считает, что такая мелюзга, как она, ни на что не способна. И уж конечно уверен, что такие, как Цапка, и цапать-то не способны, это только их все цапают.

Как-то Иван Иванович, хозяин Цапки, и Афанасий Петрович, хозяин Полкана, встретились во дворе. Они всегда не прочь были перекинуться словечком, расспросить друг дружку о делах, здоровье, повздыхать об очередном подорожании. Да вот только разговаривать как все обычные люди они не могли. Нет-нет, вы только не подумайте, что они цап-цап-цапались как Цапка. Они разговаривали обыкновенными словами, только немного громче, чем это делают при встрече знакомые. Ещё бы, ведь они были вы-

нуждены стоять на расстоянии двух метров друг от друга, а не то бы Цап-ка непременно цапнула Полкана.

– Здорово! – крикнул Афанасий Петрович. – Как жизнь?

Иван Иванович и Цапка отвечали вместе, перебивая друг друга, и выходила у них сплошная тарабарщина.

– Хорошо цапну. Погода нынче цап-цап! Солнышко цап и ветерок цап. Красота! Только вот цены снова цап-цап-цапну!

Вскоре этот незатейливый разговор пришлось прекратить, потому что Цапка разошлась не на шутку. Она цапала и цап-цапала, и брызгала слюной, и лязгала зубами. «Ну, кто здесь самый смелый? Кто ничего не боится? Давай же, огромная собачища, устроим наконец цап по всем правилам!»

Поводок натягивался всё сильнее, Цапка рвалась в драку всё напористее, и! – вдруг! – ошейник слетел прочь, наконец, впервые за многие годы, освободив Цапку, как бы поощряя её в стремлении цап-цапнуть важного Полкана.

Цапка растерялась. Она рванулась вперёд, но тут же в смущении остановилась. Посмотрела на Полкана и, вместо того, чтобы броситься на него и устроить невероятный! – невообразимый! – неслыханный цап, только несмело вильнула хвостом.

Иван Иванович и Афанасий Петрович обрадовались установившейся тишине. Так же несмело, как Цапка вильнула Полкану хвостом, подошли они ближе друг к другу так, что уже не было необходимости кричать, и продолжили беседу.

– Так вот я говорю, погодка нынче что надо. Цены конечно выросли, но солнце светит бесплатно, хочешь нос грей, а хочешь – ухо.

Афанасий Петрович захохотал.

– Это ты верно подметил, приятель. Да и Цапка, гляжу, соглашается – молчит, словно воды в рот набрала.

О чём дальше шёл разговор, Цапка не слышала. Она была задумчива и тиха весь оставшийся день, будто её кто подменил. Цапка даже отказалась от ужина. Она свернулась калачиком на своём коврикe и стала размышлять.

«Как же так, – думала Цапка. – Всю жизнь я хотела цап-цап-цапать. Всю жизнь я мечтала устроить грандиозный цап Полкану. Но Иван Иванович никогда мне не разрешал. И ошейник не пускал, держал крепко, сговорившись с Иваном Ивановичем. Так в чём же дело? Почему я пошла на попятную и – даже! – вильнула заискивающе хвостом перед этим верзилой? Неужели я струсилась?..»

Долго подобные мысли терзали Цапку. Измученная, наконец провалилась она в сон. А утром всё поняла! Да-да, поняла! Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

– Так ведь это не я была злая! Это ошейник был злой! Он меня и науськивал, чтобы я шла и цапала всех без разбора.

Счастливая, бросилась Цапка к хозяину и залаяла звонко и радостно: «Гав-гав! Я теперь больше не Цапка, я – Гавка!»

